

0363

HARLEQUIN®

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Мэги Кокс

ЧУВСТВЕННЫЙ РАЙ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Мэгги Кокс

Чувственный рай

«Центрполиграф»

2011

Кокс М.

Чувственный рай / М. Кокс — «Центрполиграф»,
2011 — (Любовный роман – Harlequin)

Джина провела незабываемую ночь с загадочным незнакомцем, а потом сбежала, решив навсегда забыть романтическое приключение. Но ничего не получилось. Незнакомец стал мужчиной ее грез, соблазнительной фантазией... Через три года они снова встретились, и Джина узнала о нем шокирующую правду...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мэгги Кокс

Чувственный рай

Глава 1

Королевство Кабуядир

Ветер донес до Захира звуки плача. Сначала он подумал, что ему показалось. Но, выйдя на балкон и окинув взглядом внутренний дворик с мозаичным полом, он услышал их вновь. Теперь он передумал уходить с вечеринки, на которой ему не хотелось присутствовать. На верхнем этаже, в гостиной своего друга Амира, он искал отдыха от светской болтовни.

Неожиданно для себя Захир оказался во внутреннем дворе. Он вышел навстречу объятиям теплого душистого воздуха, обострившего его чувства, и огляделся. Зачем? Он и сам толком не знал. Это плакал ребенок? Или раненое животное?

В поле зрения Захира мелькнуло что-то розовое. Он вгляделся в плохо освещенный угол, где стояла каменная скамья, почти полностью скрытая блестящими темными листьями роскошного жасминового куста. Из-под него виднелась пара невероятно прекрасных женских босых ножек. Заинтригованный, он направился туда.

– Кто здесь? – Захир старался говорить тихо, чтобы не испугать незнакомку.

Тем не менее в его тоне слышалась привычка повелевать. Тихий всхлип, вздох, и длинная тонкая рука отодвинула в сторону листву, превращавшую каменную скамью в уединенное укрытие. Захир изумленно вздохнул.

– Это я, Джина Коллинз.

– Джина Коллинз? – Имя едва ли отложилось в памяти Захира.

Но появление светловолосой красавицы, вышедшей из своего укрытия и теперь стоявшей перед ним в длинном розовом платье, необыкновенно взволновало его.

Она была живым воплощением прелести. «Неудивительно, что она спряталась здесь, вдали от взглядов!» – подумал Захир. Какой мужчина, созданный из плоти и крови, устоял бы перед искушением при виде ее?

Шмыгнув носом, она решительно вытерла слезы.

– Я все еще не имею понятия о том, кто вы, – неловко пояснил Захир, вопросительно приподняв бровь.

– Э-э... Извините. Я помощница профессора Мойла. Мы прибыли сюда, чтобы составить каталог и изучить книги миссис Хусейн по антиквариату и древностям.

Захир припомнил, что жена его друга Амира, Клотильда, которая преподавала искусствоведение в университете, говорила ему, что собирается пригласить помощников и привести в порядок свою библиотеку, состоящую из редких и ценных книг. Но они не виделись после того, как умерла мать Захира: у него, откровенно говоря, и так хватало дел.

– Неужели работа такая тяжелая, что вынуждает вас прятаться здесь, чтобы скрыть свое уныние? – мягко пошутил он.

Огромные голубые глаза широко распахнулись.

– Совсем нет! Работа – сплошное удовольствие!

– Я хотел бы знать причину ваших слез.

– Просто... Я просто...

Захир обнаружил, что ему не трудно дожидаться ответа. Он неспешно любовался изысканными чертами, словно созданными гениальным художником, который боготворил ее. Особенно долго он разглядывал сочные, чуть подрагивающие губы.

Джина тихонько вздохнула. Ее голос чуть прерывался.

– Сегодня я узнала, что моя мама заболела. Она в больнице. Мои работодатели были очень добры, они забронировали для меня билеты на самый ранний завтрашний рейс, так что утром я улетаю в Великобританию.

Теплая волна сочувствия и симпатии охватила Захира. Он слишком хорошо знал, каково это, когда твоя любимая мать болеет, а ты смотришь, как ее силы слабеют день ото дня, и ничего не можешь сделать. Он с изумлением понял, как сильно его печалит, что эта красивая девушка уезжает домой так скоро. Ведь он только что ее встретил.

– Сочувствую вам, это грустное известие. Но я также хочу выразить сожаление, что вы уезжаете домой прежде, чем у нас появилась возможность как следует познакомиться.

Она нахмурила изящно очерченные брови:

– Даже сейчас, когда мама больна, я не хочу уезжать. Как вы думаете, это очень плохо с моей стороны, что я гораздо охотнее осталась бы? Здесь есть какая-то магия. Она околдовала меня.

Ответ Джины был таким неожиданным, что Захир несколько мгновений не мог найти слов.

– Вам нравится эта страна? Тогда вы, наверное, возвратитесь скоро, очень скоро, Джина. Быть может, когда ваша мать совсем выздоровеет? – Захир сложил руки на груди и улыбнулся доброй сочувственной улыбкой.

– Я буду рада снова вернуться. Не могу этого объяснить, но здесь я начала чувствовать себя как дома, даже больше, чем в моей собственной стране. Мне так здесь нравится!

Ее лицо засветилось, словно озаренное изнутри, и он понял, что уже не торопится покидать дом Амира.

– Вы, наверное, подумали, что это очень невежливо с моей стороны – сидеть здесь в одиночестве, когда все собрались в доме. То, что племянник мистера Хусейна получил диплом, – это очень радостное событие, и я не хотела своим печальным видом портить всем праздник. Но внезапно мне стало так грустно, что я не могла больше притворяться. Порой бывает очень трудно вести светскую беседу и быть на людях, когда тебе тяжело.

– Здесь нет ни одного человека, который бы не понял вас и не посочувствовал вам, Джина. Но это хорошо, что вы пришли на вечеринку. Здесь существует обычай приглашать как можно больше друзей и знакомых, чтобы разделить с ними радость всей семьи, когда есть повод что-то отпраздновать.

– Вот это мне по-настоящему нравится в людях, живущих здесь. Семья для них действительно важна.

– А там, откуда вы приехали, по-другому?

Она пожала плечами и посмотрела в сторону:

– Для некоторых, может быть. Но не для всех.

– Я снова заставил вас грустить.

– Нет, что вы. Я хочу сказать, мне грустно, что моя мама больна. Но если говорить откровенно, наши отношения далеки от близости двух любящих людей, о которой я могла бы мечтать. Мои родители – ученые. Они очень преданы науке. Они привыкли иметь дело с фактами, а не с чувствами. Для них эмоции только отвлекают от главного. Ладно, я, наверное, уже наскучила вам своими жалобами. Было очень приятно познакомиться, но мне пора возвращаться в дом.

– К чему спешить? Может быть, вы посидите здесь со мной еще немного? Что бы ни происходило в нашей жизни, ночь все равно восхитительная, не правда ли?

Захир мягко дотронулся до нее, как бы желая удержать, и выразительные голубые глаза девушки стали круглыми, словно две полные луны. Прикосновение к ее безупречной, гладкой словно шелк коже совершенно неожиданно вскружило ему голову. Словно жаркий ветер пустыни ворвался в его кровь и разгорячил ее. Он не мог отвести от нее глаз.

– Хорошо, я останусь, но ненадолго. Вы правы: ночь и в самом деле изумительная. – Обхватив себя руками, она отступила на шаг, словно осознав, что дистанция между ними стала слишком маленькой. – Вы родственник мистера Хусейна? – тихо спросила Джина, и Захир увидел вспышку любопытства в ее ясных голубых глазах.

– Мы не родственники, но я дружу с Амиром уже очень давно. Я всегда считал его своим братом.

Меня зовут Захир, – представился он с вежливым поклоном.

Он заметил, что она вспыхнула. Что стало причиной: его поклон или то, что он назвал лишь свое имя? Возможно, на Западе люди именно так и представляются, встречаясь на вечеринке, но здесь, в Кабуядире, мужчины его уровня определенно ведут себя иначе. Особенно если им уготовано унаследовать власть над королевством!

– Захир... – Джина повторила его имя тихо, словно услышала нечто удивительное. От чувственного звука ее голоса сладкая дрожь ручейком побежала по его позвоночнику. – Даже имена здесь имеют отголосок загадочности и волшебства, – застенчиво добавила она.

– Идемте, – пригласил он, чувствуя, как разгорается его кровь от мысли, что он еще какое-то время пробудет с ней наедине. – Давайте погуляем в саду. Досадно было бы упустить возможность полюбоваться полной луной, вам так не кажется?

– А вас не хватятся, если вы вскоре не вернетесь в дом?

– Если хозяева и будут озадачены моим отсутствием, они не покажут этого из вежливости. Кроме того, я не должен ни перед кем отчитываться в своих действиях, слава Аллаху.

Джина промолчала в ответ. Захир взглянул на ее маленькую изящную ножку.

– Вам понадобятся туфли, если мы пойдем гулять.

– Они под скамейкой.

Повернувшись к каменной скамье, скрытой под ветвями жасмина, усыпанными блестящей листвой и дурманяще душистыми цветами, Джина извлекла из-под нее пару сандалий на плоской подошве и обулась. Когда она снова взглянула на Захира, завиток золотистых волос упал ей на лоб. Она откинула его и улыбнулась. Никогда раньше женская улыбка не заставляла его терять дар речи. Кашлянув от неловкости, он протянул ей руку. Когда она доверчиво, не говоря ни слова, вложила в нее свою ладонь, Захир утратил всякое чувство времени и пространства. Горе и смятение, которые мучили его со времени смерти матери, превратились во что-то совсем иное...

Джина почувствовала себя зачарованной. Его фигура, облаченная в длинный темный традиционный наряд – джалабию, навевала мысли о том, что он мог быть могущественным придворным, искусным воином или стражником.

Джина понимала, что доверять человеку, которого видит впервые в жизни, опасно. Но охвативший ее порыв оказался таким сокрушающим, что она не сомневалась: так должно было случиться. Это судьба. Кисмет, как принято называть ее в этой части земного шара. Ей хотелось, чтобы ее утешил кто-то сильный и понимающий.

Гуляя с Захиром по извилистым мощеным дорожкам сада, обрамленного высокой стеной, которая делала это место похожим на крепость, под светом луны, Джина все чаще задавалась вопросом, как она сможет выносить бессмысленность повседневной жизни, когда вернется домой.

Когда ее мать выздоровеет, эта жизнь, без сомнения, станет прежней. Словно случайно вкравшуюся в музыкальную пьесу фальшивую ноту тотчас же исправили и немедленно забыли об этом. Но Джина не могла отринуть заветное желание найти что-то более глубокое и настоящее. Конечно, долгое время она занималась самообманом, уговаривая себя, что усердные занятия наукой и достижение все большего авторитета в научных кругах, чтение старых пыльных томов – этого достаточно, чтобы сделать ее счастливой. Приезд в Кабуядир все изменил.

Нет, работа по-прежнему нравилась Джине. Но, оказавшись в другой части света, где ей открылся чувственный рай диковинных видов, запахов и звуков, которые совсем не походили на описания в книгах по истории, она поняла, что уже никогда не сможет спрятаться от беспокойства и тоски по переменам.

Ее родители, оба ученые, считали, что науки достаточно, чтобы наполнить жизнь и скрепить отношения. Их брак был заключен на волне профессионального интереса и признания заслуг друг друга, но их едва ли связывали более глубокие чувства.

Но ее мать заболела, и теперь отец уйдет с головой в мир умственной работы. Джина думала о том, как будет с чувством неловкости сидеть возле матери в больнице, не зная, о чем заговорить. Да, ее сердце будет полно сочувствия. Но ей уже давным-давно следовало взбунтоваться против пути, уготованного для нее родителями. Ей следовало держаться подальше от науки и премудрых книг. Джина скучна до оскомины! Одинокая женщина двадцати шести лет, которая питается едой навынос, потому что так и не научилась готовить.

У нее было несколько друзей, презиравших саму идею серьезных отношений, потому что такие отношения, вне всякого сомнения, приносят слишком много беспокойства и отвлекают от занятий. Но за время своей жизни в Кабуядире Джина поняла, что все сильнее жаждет таких «отвлекающих», восхитительно привлекательных отношений, основанных на глубокой взаимной любви и привязанности.

– Вы знаете, что в древности провидцы и астрологи читали по звездам судьбу королей? – Ее спутник указал на иссиня-черный свод небес, усыпанный маленькими светящимися бриллиантами.

У Джины побежали мурашки по спине. Захир завораживал ее не только взглядом, но и голосом, наполненным магической силой. Все это, в сочетании со сказочной атмосферой теплой пустынной ночи, опутывало ее сердце чарами, словно нежными, но прочными нитями паутины, которые могут удерживать своего пленника долго-долго.

– А как же те, кто не родился ни королем, ни королевой? Могут ли звезды указать судьбу простых людей?

Сердце Джины слегка дрогнуло, когда Захир взял ее за обе руки, повернув их ладонями вверх. Он внимательно рассматривал тонкие линии, пересекающие гладкую кожу.

– Я не думаю, что ты – простой человек. У тебя прекрасная судьба. По-другому просто быть не может!

– Вы слишком добры ко мне. Вы совсем меня не знаете. Со мной никогда не происходит ничего необычного. Вот разве что мой приезд сюда...

– Меня печалит, что ты не имеешь понятия о том, какую величайшую ценность представляешь, Джина, о том, как неотразима твоя прелесть!

– Никто не говорил мне ничего подобного.

– Значит, люди, которые встречались тебе, были слепы и глухи к красоте и чуду.

Она смотрела на него во все глаза, даже не пытаясь бороться с приливом чувств, развязка которых теперь казалась неизбежной. Ее печаль и разочарование в жизни вдруг сменились странной надеждой и томлением, когда он обнял ее бедра большими сильными руками. Внезапное ощущение близости обожгло Джину, тонкий материал платья не стал помехой этому жару. Когда губы Захира прижались к ее губам, оказалось, что они мягче пуха.

Он целовал ее осторожно, словно она была испуганным ягненком или маленькой птичкой, которую он не хотел испугать или сломить своей мощной силой. Захир изучал ее, задумчиво и нежно, и чувственный мед желания горячо растекался по ее телу. Его аккуратно подстриженные усы и небольшая борода оказались неожиданно мягкими. Их прикосновение дарило незабываемые ощущения. Жар и аромат его мужественного тела пьянили ее, словно колдовское зелье, ее колени дрожали. Она пораженно поняла, что хочет испытать на себе его мощную магию.

– Ты замерзла? – обеспокоенно спросил Захир.

– Нет, это не от холода. Меня немного трясет от волнения, вот и все.

– Это слишком для тебя...

Когда Захир благоговейно отстранился, Джина положила руку ему на грудь. Под тонкой хлопковой тканью его одежды, такой же приятной на ощупь, как роскошный бархат, она ощутила мускулы, излучающие энергию и силу. Его угольно-черные зрачки немедленно вспыхнули в ответ. Захир мгновенно обнял Джину за талию.

Мысли смешались. Как могло быть, чтобы это ощущение, абсолютно незнакомое, вдруг стало нужно ей как воздух?

Джина запомнила, что перед тем, как Захир снова поцеловал ее, она ощутила ароматы цветущих жасмина, роз и апельсиновых деревьев. Этот момент навеки запечатлелся в ее памяти и сердце. В страстном поцелуе Захира была необузданность, неукротимый первозданный голод. Приглашение отдаться в его власть откликнулось в ее теле мучительным, страстным желанием. Их языки, прильнув друг к другу, жарко сплетались, заставляя Джину прижиматься крепче к Захиру, чтобы не потерять равновесие.

Он оторвался, прерывисто дыша, с затуманенным взглядом.

– Завтра ты уезжаешь, а я... – Он потряс головой с потерянным выражением лица. – Я не знаю, как вынесу это.

– Я не хочу уезжать. Но мне придется, Захир.

– Нам обязательно расставаться вот так? Честное слово, Джина, я ничего подобного не испытывал ни с одной женщиной... Словно... словно ты – часть меня самого, которую я когда-то потерял, и сам не знал об этом, пока не встретил тебя.

Пожирая его глазами, Джина разрывалась от душевной боли. Что подумают о ней люди, сочтут ли ее черствой и бессердечной, если она предпочтет остаться здесь с Захиром, а не уехать домой к больной матери? В тот момент ей было все равно.

– Ты живешь в одном из гостевых домиков в саду, наверное? – Он потянул Джину за собой под укрытие раскидистого дерева, оглядываясь, словно желая узнать, не наблюдает ли за ними кто-нибудь.

Но в тенистом, наполненном ароматами цветов саду было тихо и пусто, не считая завораживающего пения цикад да тихого шелеста воды в фонтане.

Слегка покусывая губу, Джина кивнула.

– Мы можем пойти туда? – Захир поглаживал ее нежные ладони большим пальцем, и напряжение между ними росло, начиная напоминать натянутую тетиву, которая вот-вот порвется.

– Да.

Они в молчании прошли в конец сада, где арка, увитая виноградом, вела в вымощенный двор. Здесь стоял длинный низкий домик из сырцового кирпича. Арку украшали замысловатые лепные узоры, традиционные для этой местности. Маленькие окна хорошо защищали от зноя. В прилегающем садике был тихий пруд и отделанный мозаикой фонтан. Поскольку здесь, в горах, осадков выпадало больше, зелень росла пышно, повсюду неистовствовали пахучие цветы.

Примерно в двухстах ярдах от дома, отделенное величественными финиковыми пальмами, стояло еще одно здание. В нем жил руководитель Джины, Питер Мойл. Но Питер все еще был на вечеринке в доме Хусейнов, и они с Захиром смогли проскользнуть незамеченными.

Чувствуя себя дерзкой и безрассудной и в то же время слегка испуганной, Джина понимала, что поступает опрометчиво. Она так долго считала себя рассудительной и скупной, что неожиданное желание приводило ее в веселое возбуждение. Достав из кармана платья маленький металлический ключ, она вставила его в замочную скважину и повернула.

Марокканские фонарики, которые Джина оставила зажженными, мягко освещали широкий нарядный вестибюль, ведущий в гостиную. Она пошла было в этом направлении, но Захир остановил ее, поймав за талию.

– Где ты спишь? – спросил он тихим, чарующим, словно сама пустыня, голосом.

Взяв за руку, Джина провела его в спальню с мраморным полом, наполненную блаженной прохладой.

Кровать покоилась под шелковым балдахином насыщенного, словно закатное солнце, пурпурного цвета. Латунные настенные светильники и еще один зажженный фонарик создавали уютную интимную атмосферу.

Остановившись напротив Джины, Захир взял ее лицо в ладони, теплые, большие, чуткие. Это были ладони защитника. А его взгляд... Долгий взгляд темных глаз был благословенным океаном шелка и огня, в котором Джине захотелось утонуть навсегда.

Сердце Захира бешено стучало. Его признание в том, что он никогда так сильно не хотел ни одну женщину, было правдой. Он не понимал, как страсть могла вспыхнуть с такой силой в один момент? Все его чувства сосредоточились на Джине. Он едва сохранял способность думать, не говоря уже о том, чтобы найти приемлемое объяснение происходящему. Он пристально изучал пленившие его черты. Брови, по контрасту с золотом светлых волос, густые и темные, придавали ее прелестным чертам изысканность. Ее лицо, непохожее на множество обычных хорошеньких лиц, сияло незабываемой красотой.

Захир подумал, что после этой ночи они, возможно, еще долго не увидятся. Кто знает, сколько мать Джины пробудет в больнице? Когда ее прекрасная дочь сможет вернуться в Кабу-ядир?

– Я никогда не думала... – Джина перевела дыхание, ее губы заметно дрожали, выдавая сильное волнение.

– И я тоже не думал. – Он дотронулся до ее пухлой нижней губы. – Если нам отпущена судьбой лишь эта ночь, я сделаю так, что наши тела и души никогда ее не забудут. Я даю тебе это обещание из глубины моего сердца...

Три года спустя

– Папа, ты дома? Это я. – Джина вошла, открыв дверь своим ключом.

Она подняла письма с коврика, нахмурилась и проследовала по мрачному холлу в глубь викторианского трехэтажного дома, к кабинету отца. Он стоял, нагнувшись над письменным столом, разглядывая пожелтевший от времени документ. В эту минуту он, с приглаженными седеющими волосами, слишком худыми плечами под синей неглаженной рубашкой, казался не только занятым и отрешенным, но печальным и брошенным.

В сердце Джины смешались вина и сострадание. Напряженно работая на своем новом месте в престижном аукционном доме, она звонила ему каждый вечер, но не заходила целую неделю.

– Как ты? – Она приблизилась и прикоснулась губами к небритой щеке.

В ответ он ошарашенно уставился на нее, словно увидев привидение. Затем его лицо сморщилось, он сделал над собой усилие и улыбнулся:

– Я принял тебя за Шарлотту. Ты все больше и больше становишься похожа на нее, Джина.

– Правда? – Она удивилась, а ее сердце дрогнуло.

Это было самое личное из высказываний Джереми Коллинза за много недель. Он старательно избегал упоминаний о жене, матери Джины. Ее смерть три года назад ударила по нему сильнее, чем Джина могла предполагать.

– Да. – Пожав плечами, Джереми отложил в сторону пожелтевший документ. – Как твоя работа в аукционном доме?

– Она требует усилий. Как только ты начинаешь думать, что овладела вопросом, тут же оказывается, что нужно изучить еще много.

– Звучит так, будто попутно ты приобретаешь ценные знания.

– Надеюсь, что так и есть. Не важно, сколько у меня дипломов, я чувствую себя новичком в этом бизнесе.

– Я понимаю, милая. Но тебе не нужно спешить. Этот «бизнес», как ты его называешь, – страсть на всю жизнь для большинства людей, которые однажды занялись им. Ты никогда не перестаешь учиться и делать открытия. Ты все еще так молода... Сколько тебе?

– Двадцать девять.

– Боже праведный!

Его восклицание заставило Джину хихикнуть.

– А сколько ты думал? – ответила она шутливо. По крайней мере, сейчас он уже не выглядел таким отстраненным и расстроенным.

Его седеющие брови взмыли вверх.

– В моей памяти тебе всегда лет пять, и ты тянешь липкую любопытную ручку к бумагам на моем столе. Даже тогда ты уже интересовалась историей, Жи-Жи.

Ошарашенная, Джина повторила:

– Жи-Жи?

– Да, так я тебя называл. А ты не помнишь? Твою мать очень веселило, что у заслуженного профессора древней истории хватило воображения, чтобы выдумать нечто подобное.

– Вот. – В горле Джина стоял ком, когда она протянула отцу письма, которые нашла на коврике.

– Что это?

– Твоя почта. Похоже, она накопилась за несколько дней. Почему миссис Бэббидж тебе ее не приносила?

– Что? – Взгляд его бледно-голубых глаз снова где-то блуждал. – Боюсь, миссис Бэббидж уволилась на прошлой неделе. Ее мужу назначили серьезную операцию, и она захотела навещать его в больнице так часто, как захочет. Поэтому она не смогла больше работать у меня. Так или иначе, придется подыскивать новую экономку.

Джина положила руку на плечо отца и поразились, какое оно худое.

– Это уже третья экономка за год, – обеспокоенно проговорила она.

– Я знаю. Должно быть, дело в моем замечательном характере.

Проигнорировав шутливый ответ, Джина встревоженно посмотрела на него:

– Чем же ты питался эту неделю? Судя по всему, ты почти не ел. Почему ты не сказал мне, когда я звонила, папа?

На миг на длинном худом лице отца появилось выражение маленького мальчика, которого отчитал учитель и поставил в дальний угол класса. Ком в горле Джина стал еще больше.

– Я не хотел волновать тебя, моя дорогая... Ты же не обязана следить за мной. Это все мое дурацкое упрямство: я так и не сумел найти время, чтобы научиться вести хозяйство. Мысли были заняты очередной книгой или чем-то подобным. С тех пор как умерла твоя мать, меня не хватает ни на что другое. Люди думали, что я холодный словно ледышка, когда я не плакал на похоронах. Но я плакал внутри, Джина. – Его голос прервался, и слезы заволокли серьезные светлые глаза. – Я плакал внутри.

Она не знала, как реагировать. Перед ней сидел словно незнакомец – не тот отрешенный, замкнутый, поглощенный своими мыслями человек, которым был ее отец.

– Почему бы мне не пойти и не приготовить нам по чашке чая? Мы выпьем его в гостиной, а потом я заскочу в супермаркет и куплю тебе продуктов в запас.

– Джина, ты сегодня никуда не торопишься? – Слезы отца высохли, и теперь его глаза светились теплом, даже привязанностью.

– Нет, никуда. А что?

– Ты не... Ты не могла бы остаться ненадолго? Мы бы... поговорили. Ты могла бы рассказать мне подробней о своей новой работе.

Сняв плащ, она прошла к открытой двери в кабинет.

– Бежать мне никуда не нужно. Я поставлю чайник. Может, ты растопишь камин в гостиной? В доме прохладно.

На кухне, рассматривая облупившуюся картину, написанную маслом, и буфет, несомненно пустой, Джина наполнила чайник и включила его. Неожиданно глаза наполнились слезами.

Ее пригласили вместе с группой ученых исследовать историю старинного ювелирного украшения из Кабуядира. Названия страны оказалось достаточно, чтобы вызвать самые яркие из ее воспоминаний и заставить тосковать по мужчине, чья кожа пропиталась запахом пустыни, а глаза горели страстью, захватившей ее с первого взгляда. С этим мужчиной Джине пришлось слишком быстро попрощаться после той волшебной, незабываемой ночи три года назад, когда она уехала в Великобританию к больной матери.

Скоропостижная смерть Шарлотты Коллинз выбила Джину из колеи и усилила чувство ответственности за отца. Когда Захир позвонил ей во второй раз, через несколько дней после похорон, она твердо решила оставить в прошлом чудесные мгновения страсти, забыть о том, что это была судьба, кismet, и сосредоточиться на карьере.

Глотая слезы, Джина отвергла отчаянные мольбы Захира о возвращении в Кабуядир. Она сказала ему, что ей очень жаль – произошедшее было прекрасно, но они не могут быть вместе.

Разговаривая с Захиром, Джина чувствовала, будто кто-то чужой захватил ее тело и разум. Павший духом незнакомец, который не верит в любовь с первого взгляда, в «они жили долго и счастливо». Пройдет время, тихо продолжала она говорить в трубку, и он посмотрит на все это точно так же.

Прощальные слова Захира разбили ее сердце: «Как ты могла так поступить со мной, Джина... с нами?»

Глава 2

Выйдя из дома в тихий сад, где в воздухе витали пьянящие ароматы цветущих растений, Захир увидел сестру, сидящую на длинной деревянной скамье возле маленького декоративного пруда. Ее взгляд, как обычно, был где-то далеко, куда ему не было доступа.

Сердце Захира под черной джелабией заныло от тревоги. Они всегда были близки с сестрой, но с тех пор, как полгода назад она потеряла Ажара, своего мужа, она замкнулась, ушла в себя, и радость пропала из ее темных миндалевидных глаз. Увидит ли он снова веселье в ее глазах?

– Фарида?

Она едва коснулась его взглядом и снова ушла в свои грезы.

– Я сегодня еду в город по делам и подумал: может быть, ты тоже захочешь поехать? Мы могли бы остаться на ночь и поужинать в твоём любимом ресторане. Как ты на это смотришь?

– Знаешь, Захир, я лучше останусь здесь. Мне сегодня не хочется оказаться в городской суете, пусть даже я буду наблюдать ее из тонированных окон твоей машины.

Захир тяжело вздохнул. С тех пор как он потерял отца и унаследовал трон Кабуядира, от него ждали мудрого наставничества и помощи подданным. Но своей сестре он не помог, несмотря на всю власть и могущество.

– Что же ты будешь делать здесь одна весь день? – Он очень старался, но не смог скрыть отчаяние в голосе.

Она покачала головой, не глядя на него:

– Я буду делать то, что обычно. Сидеть здесь и вспоминать, как я была счастлива с Ажаром и как я уже никогда не буду счастлива снова.

– Надо было тебе выйти замуж по сговору, по нашему обычаю! – взорвался Захир, шагая по каменным плитам вокруг пруда. – Тогда потеря мужа не стала бы для тебя таким ударом. Эта... эта женитьба по любви была ошибкой. Неужели наша трагическая история не научила тебя этому?

Фарида наконец подняла на него глаза:

– Как ты можешь говорить такие ужасные вещи, Захир? Наши родители поженились по любви, а не по сговору, и в их жизни было столько радости и счастья, что им все завидовали. Неужели ты забыл, как хорошо было рядом с ними? Помню, однажды папа сказал мне, что любовь к маме сделала его жизнь более наполненной и счастливой, чем что бы то ни было.

Обхватив руками широкую грудь, Захир остановился в задумчивости:

– И когда она умерла, он был сломлен настолько, что вскоре последовал за ней. Неужели ты забыла это?

– Ты изменился, Захир, и это тревожит меня, – грустно сказала Фарида. – Ты безупречен как правитель, отец гордился бы тобой. Но то, как жестоко ты обошелся со своим сердцем, сделало тебя черствым. Помнишь пророчество «Сердца отваги», хранящегося в нашей семье уже несколько столетий? В нем говорится, что все сыновья и дочери династии Казим-хана будут жениться по любви. Помнишь?

– Да, да, я помню. Но что касается меня, я собираюсь поступить по-другому. Собственно, сегодня я проведу предварительные переговоры по поводу свадьбы с дочерью эмира Каджистана. Ей только что исполнилось восемнадцать, так что партия подходящая. Это хороший вариант, Фарида.

– Ты собрался жениться на скудоумной невзрачной дочери нашего соседа? О чем ты думаешь? Она сведет тебя с ума не то что за несколько дней, а за несколько часов!

– Да, но, поскольку это брак по расчету, я не обязан буду проводить все дни рядом с женой. У нее будут свои интересы, а у меня – свои.

– И что же это будут за интересы? Регулярные посещения косметологических кабинетов в надежде, что у них найдется волшебный эликсир, который сделает ее красивой? Брат, я верю в магию, но даже мне было бы трудно поверить в настолько сильные чары.

– Фарида! – Захир немедленно выказал свое неудовольствие этой насмешкой над своей потенциальной невестой. – Ты точно со мной не поедешь? Когда я закончу дела, мне будет не хватать твоего общества.

– Прости, Захир, но я уже ответила. Я предпочту остаться здесь в одиночестве. Однако я умоляю тебя прийти в себя и забыть о планах этой неразумной женитьбы на дочери эмира. Неужели тебе никогда не хотелось влюбиться, как наш папа? Как все наши предки? Как я?

Сверкающие голубые глаза, окаймленные длинными ресницами, промелькнули в памяти Захира, вызвав страстное стремление увидеть их обладательницу.

– Этот разговор не имеет смысла. Я не хочу прибавлять себе горя и боли. Я и так испытал достаточно. Скажи лучше, тебе привезти что-нибудь из города?

– Нет, спасибо. Хорошо тебе съездить, и возвращайся поскорее, – ответила сестра с легким проблеском улыбки и вернулась к своим одиноким размышлениям, глядя на тихую чистую воду у ног.

Джине пришлось отчаянно бороться за право поехать в Кабуядир, чтобы на месте изучить украшение, о котором она вместе с коллегами собирала сведения на протяжении нескольких недель, но она выиграла битву.

Пока они с коллегой Джейком Риверсом ехали в аэропорт, Джина смотрела в окно маленького «фиата», размышляя о скором возвращении туда, где отдала сердце прекрасному загадочному незнакомцу. О нем она грезилась на протяжении трех лет. В мечтах она бесконечно возвращалась в ту изумительную ночь, которую они провели под небом пустыни.

– Захир, – прошептала она.

Уже не в первый раз она думала о том, где он сейчас, что делает. Может, он женился на девушке из своей страны? Может, у него родился ребенок, который теперь безмятежно играет возле его ног, переполняя его сердце гордостью? Думает ли он иногда о Джине и о том удивительном соединении сердец, которое им выпало? Или отнес случившееся на долю временного помутнения, безрассудства, о котором пожалел, когда она бессердечно отвергла его приглашение вернуться, предпочтя карьеру?

Сильно прикусив губу, Джина предавалась горьким сожалениям. Да, она хотела, чтобы отец ею гордился, хотела почтить память матери. Но, сделав выбор, она пожертвовала, быть может, единственным шансом стать счастливой.

– Не могу поверить, что ты уже бывала в Кабуядире. Каково там? – вдруг спросил Джейк, пробираясь по парковке.

Джина закрыла глаза и позволила впечатлениям захлестнуть себя: аромат экзотических приправ и курений, разговоры на языках, происходящих из Персидской империи и Византии, яркие сочные цвета товаров, продающихся на рынке, и пьянящий знойный ветер в саду Хусейнов, колышущий душистый воздух.

С особой ясностью ей вспомнилось лицо Захира, его темно-шоколадные глаза, одного взгляда которых оказалось достаточно, чтобы навсегда пленить ее сердце...

– Какими бы словами я его ни описывала, все будет не то. Ты сам все увидишь, когда мы приедем.

Он улыбнулся в ответ. Они припарковались.

– Ладно. Кстати, как поживает профессор Коллинз? Над чем он сейчас работает? – В голосе Джейка были одновременно любопытство и восхищение, а Джина постаралась сохранить нейтральное выражение лица.

Обычно она старалась отделять частную жизнь от профессиональной. Но ее амбициозный молодой коллега, конечно, не мог не полюбопытствовать. Он с самого начала признался, что «большой поклонник» профессора Джереми Коллинза и его достижений в науке.

– Не знаю. По правде говоря, он не очень хорошо себя чувствовал в последнее время. К счастью, я подыскала для него новую экономку, которая производит впечатление сердечного и заботливого человека. Так что я уверена, что с ним все будет в порядке, пока я в отъезде.

Джина надеялась, что не выдавала своего беспокойства. Ее отец показался ей уязвимым и хрупким. Поэтому для нее было большим облегчением найти Лиззи Элридж. Она будет просто идеальна в качестве экономки. Женщина за сорок, мать-одиночка с ребенком одиннадцати лет, она была практична и в то же время добра. Они с отцом сразу нашли общий язык. «Он в надежных руках», – думала Джина, катя чемодан к автобусу, который должен был доставить их с Джейком к входу в аэропорт.

– Не могу дождаться, когда же увижу воочию это сокровище, – фонтанировал коллега. – Этот главный бриллиант, или алмаз, как они его называют, это просто нечто! Его владелец вряд ли сидит без денег, учитывая, что он шейх и все такое, так что я ломаю голову: почему же он решил его продать?

– Ну, это уж точно не наше дело! – Джина удивленно приподняла бровь. – Изучать историю этого сокровища – величайшая честь, вот и все, что я знаю. Ведь его история, по достоверным сведениям, уходит в Персию семнадцатого века!

– Хм. – Джейк ухмыльнулся без тени раскаяния. – Интересно, какой он, этот «шейх шейхов», как его называют. Ты можешь себе представить, что нас пригласили остановиться в его дворце, а не в каком-нибудь местном мухаммидами засиженном отеле?

– Будь поосторожнее с подобными высказываниями, когда мы приедем в Кабуадир, Джейк. Это может быть истолковано как неуважение... каковым оно на самом деле и является.

– Ты всегда была такой хорошей девочкой, Джина? – Взгляд орехово-карих глаз, спрятанных за очками в модной оправе, был одновременно пристальным и озорным. – Неужели ты никогда не позволяешь себе расслабиться и... пошалить?

Это был настолько возмутительный комментарий, что Джина вспыхнула.

– Я не идеальна, Джейк. У меня есть свои слабости, как у любого другого. Давай больше не будем об этом, ладно?

В жизни каждого человека есть моменты, когда что-то поражает его настолько, что запоминается на всю жизнь. Когда Джина и Джейк ступили на отделанный мрамором и мозаикой двор украшенного позолотой дворца шейха Казим-хана, в их жизни наступил такой момент.

Прикрываясь рукой от ослепительных лучей солнца, в которых высокие золотые башенки дворца сияли нестерпимо ярко, делая бесполезными солнечные очки, Джина взглянула на Джейка, тоже потрясенного, и покачала головой. Слова казались лишними.

Снова подняв голову, она обратила внимание на каменную сторожевую башню, превосходящую по высоте даже золотой шпиль, венчающий крышу. Когда-то этот дворец был устремленной и неприступной крепостью. По-видимому, его почти не коснулись изменения со времени постройки.

Стройный молодой человек с внимательными глазами цвета янтаря, одетый в традиционную джелабию и головной убор с красочным шнуром, удерживающим его на голове – игалем, терпеливо ждал, пока двое европейцев насытятся впечатлениями от вида, несомненно привычного для него. Его звали Джамаль. Он с гордостью назвал себя личным слугой шейха Казим-хана. Встретив их у подножия города, куда их доставило такси из аэропорта, он вместе с ними отправился в горы в вагончике канатной дороги. Оттуда их доставил во дворец конный экипаж с роскошными шелковыми сиденьями и занавесками.

Джина очень устала от дороги и жары, но восхищение оказалось таким сильным, что ей хотелось не упустить ни единой детали.

– Нельзя стоять здесь. Слишком жарко. Нужно идти внутрь. Сюда. – Джамаль махнул рукой в сторону сводчатого коридора из песчаника. – Другой слуга проводит вас в ваши комнаты, где вы сможете отдохнуть. Позднее будут сделаны приготовления к встрече с его величеством.

Усталость Джины испарилась, когда ее проводили в апартаменты для гостей. Живя в уютном домике из сырцового кирпича во владениях Хусейнов, она была полностью очарована. Но здесь... здесь она почувствовала себя словно в роскошном будуаре, принадлежащем восточной принцессе. Чудесную мебель покрывала шелковая парча всех возможных оттенков, прозрачные гардины во всю высоту комнаты изящно обрамляли два узких окна пышными драпировками. Жалюзи лазурного цвета, наполовину спущенные позади штор, защищали комнату от зноя и слишком яркого дневного солнца, а белый мраморный пол дарил прохладу. Широкий персидский ковер, расшитый чувственным узором из золотых и серебряных нитей, раскинулся в изножье кровати. И какой кровати! Шелковые и парчовые подушки почти полностью покрывали ее поверхность.

Бросившись на них, Джина застонала от восторга. Восхитительные и горькие грезы о Захире проплывали в ее голове. Есть ли какой-нибудь способ увидеться с ним? Не было ли безумием даже надеяться, что он согласится встретиться?

Он ушел от нее в то утро очень рано, раньше, чем она встала, чтобы собраться в дорогу. Его прощальные объятия наполнили их страстным желанием. Он записал ее телефон и пообещал позвонить на следующий же день. Труднее всего было поцеловать его в последний раз и затем смотреть, как он уходит, оставляя на память о себе лишь мужской аромат на ее теле да покалывающую боль между ног. Она отдала ему свою девственность, вместе с обещанием любить его всю жизнь, – не важно, что будет дальше.

Говорят, что женщина никогда не забывает свою первую любовь. Свою единственную любовь, в случае Джины. Вот почему она никогда не переставала воскрешать в памяти драгоценные воспоминания о той ночи.

Джина уткнулась лицом в подушку, терзаясь слезами сожаления и одиночества, шепча его имя, словно молитву...

Фарида наконец ушла к себе, и Захир мог спокойно принять гостей из Англии. Она бы только расстроилась, если бы узнала о его намерении продать «Сердце отваги», украшение, которому приписывали пророческую силу в отношении браков в их семье.

Настали нелегкие времена. Их родители покинули этот мир, а затем Ажар, муж Фариды, погиб в автокатастрофе в Дубае. Захир считал, что все, что нужно его обожаемой сестре, – это покой и достаточно времени для исцеления. Присутствие фамильного наследия, которое он втайне считал проклятием, только помешает ей. А для него оно служит болезненным напоминанием о том, что он потерял, насмешкой над его когда-то искренней верой в пророчество. Он потерял веру, когда женщина, в которую он влюбился, бессердечно отвергла мольбы вернуться к нему...

Деньги, полученные от продажи сокровища, он решил отдать Фариде. Пусть потратит их как хочет. Ему они точно не нужны.

В архивах дворца хранилось множество записей, подтверждающих подлинность украшения, но для его продажи за границей Захиру требовалось заключение авторитетного независимого источника. Аукционный дом в Мейфэре обладал признанной на международном уровне репутацией. Его гости, мужчина-историк и его коллега, женщина, специализировались на изучении древностей. Захир не знал их имен – все детали он предоставил своему личному секре-

тарю и другу детства Масуду, который заболел к моменту их прибытия. Однако, чтобы выказать уважение госте, Захир распорядился поместить ее в одном из лучших дворцовых покоев.

Теперь, сидя в парадной гостиной, Захир удивлялся охватившему его странному предчувствию. Богато украшенные двойные двери на другом конце длинной парадной комнаты открылись, и появился слуга Джамаль.

– Ваше величество. – Он почтительно поклонился. – Позвольте представить вам доктора Риверса и его коллегу доктора Коллинз.

Уже направившись к гостям с вытянутой для рукопожатия рукой, Захир внезапно замер как громом пораженный. Рядом с мужчиной в очках стояла женщина со светлыми, элегантно убранными в гладкую прическу волосами. Ее стройную фигуру выгодно обрисовывало длинное струящееся шелковое платье потрясающего аквамаринового оттенка. Но сердце его замерло при виде ее прекрасного лица и невероятных голубых глаз, прикрытых длинными ресницами.

Джина! Уж не сон ли это?

Захир не мог в это поверить. В этот момент ему проще было отрастить крылья и полететь, чем двинуться с места. Прочищая горло, он направился к мужчине. Пожимая ему руку, он почувствовал, что во рту по-прежнему сухо, а дыхание перехватило.

Он знал, что сейчас нужно будет пожать руку Джине. Она явно была поражена одинаково с ним. Ее прохладная узкая ладонь заметно дрожала, когда он к ней прикоснулся. Их взгляды встретились, и все остальное вокруг словно растворилось и исчезло.

– Доктор Коллинз. – Захир услышал свой собственный хриплый голос. – Очень рад нашему знакомству.

Думая о том, что за ними все наблюдают, Захир убрал руку и сделал приглашающий жест по направлению к традиционным арабским диванам, прямоугольником расположенным вокруг резного марокканского кофейного столика.

– Пожалуйста, устраивайтесь. Джамаль, можешь подавать кофе.

– Слушаюсь, ваше величество. – Слуга поклонился и тихо направился к дверям, не поворачиваясь спиной к Захиру.

– Понравились ли вам ваши комнаты? Удобно ли вы устроились? – Переводя взгляд от Джейка Риверса к Джине и обратно, Захир расположился на одном из длинных диванов.

Он надеялся, что его улыбка выглядит приветливо и расслабленно.

Положение крайне затруднительное. Ему пришлось призвать на помощь все свое самообладание и навыки дипломатии. Но при каждом взгляде на Джину Захиру хотелось оказаться с ней наедине и добиться ответа, какова была настоящая причина ее давнего отказа. Может, кто-то другой дожидался ее в Англии? За прошедшие годы он изводил себя подобными мыслями множество раз. Лишь в одном Захир был теперь полностью уверен: на этот раз он не отпустит ее, не узнав правду.

– Дворец изумителен, а наши покои более чем комфортабельны, спасибо. – Джейк Риверс сидел напротив Джины, положив руки на колени.

Захир подумал: «Сколько же ему лет?» Раз прислали его, он был экспертом в своей области. Но Захиру казалось, что настоящий специалист должен выглядеть намного старше и серьезнее.

– Замечательно. Что же до происхождения дворца, мы полагаем, что он был возведен в девятом веке, после окончания персидской и византийской войн. Для народа нашей страны он всегда являл собой мощную твердыню. Народ всегда помогал поддерживать дворец в порядке, гордась также и красотой этого места.

Захир снова жадно и беспомощно взглянул на Джину, гадая, о чем она думает в этот момент. Была ли она потрясена, узнав, кто он на самом деле? Проклинает ли себя за глупость, что отвергла его тогда? За эту соломинку он охотно бы ухватился – возможность утешить свою уязвленную гордость.

– Доктор Коллинз, ваша специальность – древности, не так ли? – спросил Захир.

Он заметил, как она вдохнула и выдохнула, затем слегка сжала руки на коленях, словно пытаясь собраться.

– История материальной культуры и изучение артефактов прошлого, а мой коллега доктор Риверс – историк, ваше величество.

– Значит, вы равны по квалификации?

– Более или менее. – Джейк пожал плечами, послав Джине веселую улыбку.

Ревность обожгла Захира, когда он увидел, как непринужденно Джейк обращается к Джине.

– Стало быть, доктор Коллинз – не ваша помощница? – спросил он с ноткой насмешки в тоне.

– Помощница? – Молодой ученый усмехнулся. – Я не хочу проявить неуважение, сэр, но она слишком независима и надменна для этого!

– В самом деле? – Захир подался вперед, внимательно и неторопливо изучая голубые глаза. – Это и в самом деле интересно...

Глава 3

Если бы дело происходило не в присутствии шейха Кабуядира, Джина стукнула бы Джейка локтем под ребра за его неуместную шутку. Он постепенно становился блестящим историком, но такта ему явно не хватало. И все же сейчас ее волновал не Джейк.

Как это могло быть? Ее поразило, что его величеством шейхом Кабуядира, когда-то могущественного арабского королевства, и владельцем древнего и прекрасного «Сердца отваги» оказался Захир.

– Доктор Риверс и я работаем в паре, ваше величество. – Джина покраснела, произнося его титул, настолько нереально он звучал.

Ее взгляд не мог оторваться от мужественного загорелого лица, от длинных волос цвета воронова крыла, которые струились по плечам. Традиционная мужская одежда, скромная, была гораздо роскошнее, чем многие богатые люди могли себе позволить. Статный, широкоплечий человек, привыкший повелевать, Захир производил впечатление признанного властителя своего народа. Встреча с ним казалась глотком свежего воздуха, словно Джина долго не могла дышать во всю грудь и сама не знала об этом.

– Мы дополняем друг друга, – закончила она с натянутой улыбкой.

Ничего не отвечая, Захир продолжал пристально смотреть на нее. Джина молилась, чтобы он не заметил тоску и сожаление, овладевшие ею. К счастью, дверь позади них открылась и появился Джамаль. Когда он поставил на стол большой латунный поднос, воздух наполнился дразнящим ароматом кофе, приправленного кардамоном. Этим замечательным напитком Джина уже лакомилась в свой первый приезд в Кабуядир. Кроме кофейных чашек с золотыми ободками, рядом с кофейником возвышалась горка аппетитных сладостей. Джамаль разлил кофе.

– У нас так много материала о «Сердце отваги», ваше величество! – заговорил Джейк, когда Джамаль поклонился Захиру и тактично удалился, чтобы не мешать разговору.

– Я надеюсь, вы меня порадуете?

– Вне всякого сомнения. Его история невероятна. Не каждый день историку выпадает шанс и большая честь изучать артефакт, ведущий свое происхождение со времен существования древней Персидской империи.

– Значит, ваше собственное исследование подтвердило то, что я уже знаю? А вы, доктор Коллинз, были рады заниматься изучением реликвии?

– Разумеется! Это шанс всей жизни для человека моей профессии. То, о чем мечтает каждый мой коллега. Когда я наконец смогу увидеть украшение собственными глазами, это будет незабываемый момент.

– Что ж, ждать осталось недолго. Я бы хотел, чтобы вы сначала насладились моим гостеприимством. Дорога была не слишком утомительной?

– Благодаря вашей доброте и щедрости мы летели первым классом, ваше величество. Я раньше никогда не путешествовал с таким комфортом. Проблема в том, что, получив такую возможность, я боюсь к этому привыкнуть! – ответил Джейк с улыбкой.

– Вы провели много недель, изучая происхождение и историю моей вещи, и для того, чтобы рассказать о результатах, вам пришлось отправиться в дальний путь. Самое меньшее, что я мог сделать, – это обеспечить комфорт.

– Мы еще раз благодарим вас, – тихо сказала Джина.

– Наслаждайтесь кофе и сладостями, а завтра с утра мы обсудим интересующий нас вопрос. – Выражение глаз Захира, смотревшего на Джину, было трудно разгадать. Он словно отгородился от нее невидимой стеной, не желая, чтобы она слишком много поняла о его чувствах. – Сожалею, но присоединиться к вам сегодня за ужином я не смогу. У меня есть дела

личного характера, которые вынуждают меня покинуть дворец вечером. Я поручу Джамалию проводить вас к ужину, когда придет время, а также показать вам, где будет накрыт завтрак.

Джина наслаждалась ванной в арабском стиле.

Вздыхнув, она поняла, что слишком задержалась. Вода начала остывать, и ее нежные плечи покрылись гусиной кожей. Она встала, вытерлась роскошным пушистым полотенцем и дважды обернула его вокруг стройного тела. Ужинать не хотелось. Все, на что она оказалась способна, – это смотреть, как Джейк с аппетитом наворачивает изысканную еду. Поглощенная мыслями о Захире, она просто не смогла есть.

Кутаясь в шикарный банный халат, который Джина обнаружила в ванной комнате, она прошла обратно в спальню, по пути распустив волосы, которые рассыпались по плечам густыми светлыми волнами.

Внезапный стук в дверь заставил ее вздрогнуть. Было уже за полночь, и Джина предположила, что это горничная.

Запахнув потуже просторный халат и завязав его поясом, она открыла дверь – и увидела перед собой высокую, эффектную фигуру Захира.

– Извини за поздний визит. Как я уже говорил сегодня, мне нужно было уехать по делам. Я только что вернулся.

Крепко прижимая ворот халата к груди, Джина не знала, что подумать и что сказать.

– Можно мне зайти ненадолго?

В молчании она впустила его. Осмотрев красиво обставленную комнату, Захир потянул воздух носом и улыбнулся. Этот жест напомнил ей их встречу в саду у Хусейнов. Тогда в его взгляде было столько доброты, что она не испугалась его. Но на этот раз его взгляд был острым, заставляя ее насторожиться.

– Ты принимала ванну?

– Я и предположить не могла, что ты – шейх Казим-хан. Я была так потрясена, увидев тебя. – В ее голосе слышалась дрожь. – Конечно, это было три года назад, но я так понимаю, ты меня помнишь?

– Как я мог тебя забыть! – В его взгляде была боль, в глубоком, звучном голосе слышалось раздражение. – Неужели ты думаешь, что я мог забыть ту ночь? Но я не рад тому, что экспертом по древностям из Лондона оказалась ты. Да и как я могу радоваться, когда ты так бессердечно обманула меня?

Джина сжимала и разжимала руки, чувствуя, что вот-вот расплачется.

– Обманула тебя? Каким образом?

– В ту ночь я влюбился в тебя. И думал, что это взаимно. Я считал дни до твоего возвращения. Ты обещала вернуться. Но ты передумала, предпочла карьеру. Как ты думаешь, что я почувствовал? Да подо мной словно бомба взорвалась.

– Я не вернулась и по другой причине. Моя мать умерла спустя всего несколько дней, как ее положили в больницу, я же говорила тебе, помнишь? Отец нуждался во мне, в моей поддержке. Это было такое горе для нас обоих... Тогда я с трудом понимала, что делаю. Кабу-ядир казался сном...

Увидев, каким суровым стало лицо Захира, Джина решила, что сейчас не время рассказывать ему, как отец уговаривал ее остаться в Великобритании и сосредоточиться на карьере.

Теперь его признание выбило почву у нее из-под ног. В глубине души Джина была уверена, что такой эффектный харизматичный мужчина просто не может так к ней относиться.

– Для тебя мое отношение было не слишком важным, раз ты решила не возвращаться. С учетом этого мне странно, что ты приехала сейчас, спустя три года. Если бы я знал, что эксперт – это ты, я бы заменил тебя. Обычно Масуд, мой секретарь, посвящает меня в подобные детали, но сейчас он болен и находится со своей семьей.

– И как же нам теперь быть? Хочешь ли ты, чтобы я вела себя так, словно мы никогда не встречались?

Захир на минуту отвернулся, собираясь с мыслями.

– Я хочу, чтобы ты исчезла с лица земли! Тогда мне не пришлось бы терзаться мыслью, что ты выбрала себе в спутники другого мужчину, не меня.

У Джины перехватило дыхание от горечи и страсти, которые слышались в этих словах.

– Нет никакого другого мужчины, Захир. И никогда не было. Это правда.

Он вновь взглянул на нее, так презрительно, что сердце в груди останавливалось. Как бы она ни старалась, но возбудить любовь к себе у окружающих ей было очень трудно.

– Это больше не имеет значения. Теперь уже слишком поздно.

Подавленная безнадежностью, которой веяло от его слов, Джина облизала губы, пытаясь справиться с сухостью во рту.

– Почему ты не сказал мне, кто ты? – тихо спросила она.

– Я не был правителем Кабуядира, когда мы встретились. Я знал, что унаследую титул шейха после смерти отца. Меня готовили к этому с детства. Но когда мы были вместе, я оставался просто Захиром. Тогда я думал, что мне предстоит беззаботная жизнь с тобой, прежде чем я стану правителем. Кроме того, когда мы встретились у Хусейнов, у меня было горе, как и у тебя. Моя мама умерла за месяц до этого. Я надеялся, что жизнь станет лучше, несмотря на мою потерю. Но ты отказалась приехать ко мне. А через несколько дней после нашего последнего телефонного разговора здоровье отца стало быстро ухудшаться, и он умер. Я стал шейхом Кабуядира. Моя жизнь навсегда изменилась.

Сердце Джины сжалось от сострадания.

– Значит, ты правишь уже три года. Ты женат?

Задать этот вопрос было очень трудно, но Джина отчаянно нуждалась в ответе.

– Нет.

– Почему нет?

Захир сложил руки на груди. Джина невольно залюбовалась красивыми очертаниями крепких мышц, которые обозначились при этом движении.

– Мой долг как правителя – заключить брак, наиболее выгодный в стратегическом и династическом отношении. Веришь или нет, но соседние королевства не изобилуют подходящими невестами. Вот почему я еще не женился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.